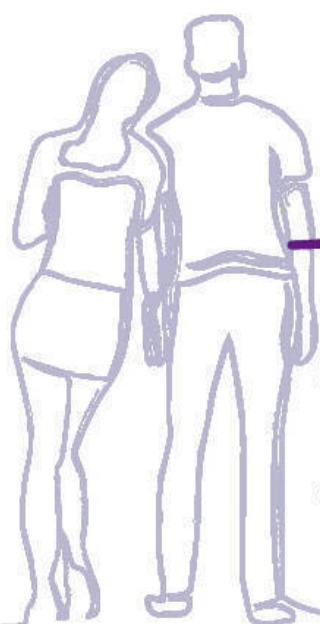

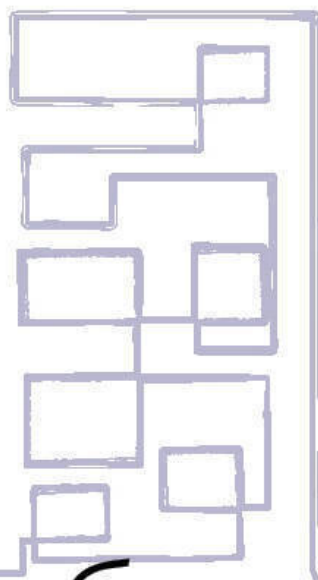
Маша Трауб

В книгах Маши Трауб уютно, как дома.

— Александр Снегирев

Многие разных лет

Любовная
аритмия

Маша Трауб

Любовная аритмия

«ЭКСМО»

Трауб М.

Любовная аритмия / М. Трауб — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-47001-3

Так бывает – тебе кажется, что жизнь вполне наладилась и даже удалась. Ты – счастливчик, все у тебя ровно и гладко. И вдруг – удар. Ты словно спотыкаешься на ровной дороге и понимаешь, что то, что было раньше, – не жизнь, не настоящая жизнь. Появляется человек, без которого ты задыхаешься, физически не можешь дышать. Будь тебе девятнадцать, у тебя не было бы сомнений в том, что счастье продлится вечно. Но тебе почти сорок, и ты больше не веришь в сказки...

ISBN 978-5-699-47001-3

© Трауб М.
© Эксмо

Маша Трауб

Любовная аритмия

В какой-то момент жизни – Артем даже хорошо запомнил тот год – все складывалось как нельзя лучше. Ему было легко жить – бесконечные спонтанные поездки на несколько дней, необременительная работа, деньги, подруги, друзья...

Тогда было модно покупать недвижимость за границей. Его коллеги покупали дома, квартиры, отправляли туда детей, жен и тещ. Покупали массово, в одном поселке или деревушке – чтобы рядом были «свои люди», с которыми можно вечером выпить, закусить и поговорить. Чтобы у жен было свое «комьюнити», а у детей – свой круг общения, чему тоже в те годы придавали большое значение. Времена, когда дети дружили друг с другом не через родителей, а сами по себе, прошли. Росло поколение, которое не выбирало себе друзей – их выбирали родители. И представить себе, что в гости без звонка может зайти соседский мальчик с восьмого этажа, было невозможно. В этой компании, куда Артем влился совершенно случайно, через коллегу, дети занимались музыкой, английским или французским, играли в шахматы, прилично вели себя за столом. На отдыхе это сильно облегчало жизнь старшему поколению – отцы могли спокойно вздремнуть после обеда, а матери с легким сердцем отпускали сына или дочь к соседям, зная, что там чадо «плохому не научат».

Была в этой компании и «перспективная молодежь», к которой относился и Артем. Те, кто пока не был обременен семьей и детьми. Те, кто всегда мог рассказать свежий политический анекдот и вносил живую струю в неспешные, перетекающие из одного дня в другой застольные беседы уважаемых «стариков», к которым относились те обитатели этого анклава, кому было около сорока лет.

Артем впервые оказался здесь с коллегой-любовницей, она пригласила его на неделю. Он знал, что у коллеги есть бывший муж, который и оказался хозяином дома. Впрочем, сам хозяин появлялся здесь редко – дом превратился в этакий таймшер. Здесь жили поочередно. Сначала бывшая жена с очередным бой-френдом, в тот момент – Артемом. Потом приезжала жена нынешняя с сыном. Потом наступала очередь сестры с мужем, после заезжала племянница с подругой. При этом, что удивляло Артема, все сохраняли добрососедские отношения, спрашивались о здоровье хозяина-мужа и передавали друг другу приветы.

В тот первый раз Артем сразу попал на детский праздник. Коллега-любовница искала для соседского мальчика «интеллектуальный» подарок, а не какую-нибудь «бестолковую фигню». Не то чтобы ее волновало развитие ребенка, но так было принято, иначе «не поймут». Дети на празднике чинно сидели за столом, играли в интеллектуальные игры типа скрабла, участвовали в конкурсах на эрудицию и пели песни из кинофильма «Мери Поппинс» под аккомпанемент мамы именинника. Для этого во двор было перенесено электрическое пианино, за которым, как потом услышал Артем, именинник даже на каникулах играл хроматические гаммы.

Артем поначалу был в шоке. И от детей – таких послушных, спрашивающих разрешение, прежде чем выйти из-за стола, и от взрослых. Здесь, и он понял это сразу, у каждого имелся свой образ, своя роль. Была бизнесвумен на отдыхе, не расстававшаяся с телефоном и четко контролировавшая выражение лица. Ее дочь – восемнадцатилетняя красотка, еще в четырнадцать обозначенная как *enfant terrible*. Дочь курила, выпуская дым в лицо приличным детям, которые кашляли в кулачок, пила самогон и дерзила, разве что не хамила собеседникам. На самом же деле – Артем это тоже сразу почувствовал – девушка была мягкой и ранимой. И еще – очень уставшей, несмотря на свой юный возраст.

Был мужчина, этакий бонвиван, знаток оперы – приятный, располагающий и одновременно очень дистанцированный.

Коллега Артема – фам фаталь, менявшая любовников каждый сезон, но, как считало общество, до сих пор любившая только мужа, что позволяло считать ее не б..., а, напротив, страдающей женщиной.

Артем веселился, шутил и сам заразительно смеялся. Он сразу кинулся к детям, оторвал их от очередного скучного конкурса и предложил сыграть в «кродила» – кто смешнее покажет загаданного сказочного персонажа. Потом нашел сдутый футбольный мяч и быстро организовал футбол. Успокоился только после того, как лично засандалил мячом в тарелку коллеге-любовнице и увидел этих детей другими – грязными, веселыми и счастливыми. Он вместе с ними ел грязными руками праздничный торт и щипал коллегу за бедро.

– Вообще-то он не идиот, – сообщила «обществу» коллега.

Артема «погоняли» по книгам и кинокартинам, музыке и вопросам из категории «общие знания». Он, еле сдерживая смех, ответил на все, после чего ему поставили диагноз – «симпатичный, обаятельный инфантильный мальчишка».

После нескольких замечаний, которые Артем обронил в адрес дам: отметил стильную льняную рубашку у одной, оценил туфли другой, поговорил о кризисе среднего возраста у мужчин и кризисе первого класса у ребенка с третьей, – он был признан знатоком женской физиологии и психологии. Артем отметил, что даже коллега-любовница посмотрела на него другими глазами. Его стали считать «своим» и «приняли в общество». Такие люди – веселые, легкие, обаятельные, с чувством юмора – здесь были нужны. К тому же у Артема имелось еще одно качество, которое тут особенно ценилось, – он умел слушать и считал собеседника «гением», какую бы ересь тот ни нес.

Артема за один вечер полюбили все – и дамы, и дети, и старшее поколение.

Они, «старрики», втайне мечтавшие о ранней пенсии, которую хоть на неделю обретали здесь, на берегу моря, сидели на верандах, курили, выпивали, смотрели на море и ближе к обеду, делая над собой усилие, спускались вниз, к берегу. Там переодевались, обмотавшись полотенцем, и плыли к камню – у каждого был свой ориентир, свой камень, ближний или дальний. С чувством глубокого самоуважения и облегчения приплывали назад, переодевались в сухое, развешивали мокрые плавки на скале. Обсуждали температуру воды, холодное течение, вчерашний дождь, вновь прибывших или уехавших. Кто-нибудь из «молодых» вспоминал ночной уговор – кто последний встанет и придет на пляж, с того бутылка шампанского, – и приносили бутылку, открывали, с хлопком и брызгами, разливали в пластиковые стаканчики... Морщились, но пили.

Женщины приходили на пляж без макияжа, ныряли и плавали с головой – чтобы проснуться, избавиться от похмелья.

Здесь, на пляже, Артем выдержал второй экзамен. Дамы отметили, что он в хорошей физической форме, у него красивое тело. Мужчины признали, что он прекрасно плавает, но не старается никого «переплыть». Держится корректно, плывет в том темпе, который задает «попутчик».

С детьми он организовал игру в водное поло и показал, как прыгать со скалы рыбкой. В Артема невозможно было не влюбиться: казалось, он обладает мужской силой и женской интуицией – сумасшедшее сочетание.

– У тебя другой верх от купальника, – заметила одна из дам коллеге-любовнице Артема.

– Ага, просто моего размера не было. Были только нулевые, – не подозревая подвоха, ответила коллега.

– А у тебя разве не нулевой? – показательно удивилась дама.

Коллега обиделась, но виду не подавала.

– Дамы, вы даже не понимаете, как вы прекрасны. – Артем приобнял обеих. – Ваша грудь – это просто с ума сойти.

– Перестаньте, – начала кокетничать дама, – у меня грудь матери двоих детей.

– Я бы вам дал максимум одного! – воскликнул Артем театрально. Но дама засмеялась, поверив, улыбнулась и коллега, не поверив. Ситуация разрядилась.

Коллеге нужно было возвращаться. Артема приглашали задержаться буквально все соседи. Дети висели на нем гроздьями, умоляя не уезжать, и это было понятно – каждый вечер Артем придумывал им игры: поиски кладов, разгадки сокровищницы. Он закапывал шоколадку под деревом и рисовал план – как до нее добраться, жег бумагу, рвал на части, которые нужно было сложить правильно, писал подсказки с помощью зеркала... Он полюбил это место. Ему здесь было хорошо. Нравились люди, местность, уклад жизни, еда...

Женщины, все как одна, сидели на местном йогурте, который был любой жирности, любой консистенции, в любой таре. Йогуртная диета быстро давала результат. Помимо йогурта, женщины пили белое вино – обязательно со льдом. Как и йогурт, на завтрак, обед и ужин. Иногда вместо ужина.

Мужчины сразу переходили на местный самогон, который пился удивительно легко. И именно мужчины готовили *еду*. Для детей здесь готовили отдельно, так и называли – «детский стол». Им занимались женщины. Мужчины же запекали баклажаны, резали кусками помидоры, мариновали мясо в остатках йогурта, бросали его на мангал буквально на несколько минут, чтобы «схватилось». Сыр резался тоже по-взрослому, по-мужски, толстыми кусками. Хлеб вообще не резали – отрывали кусок руками, испачканными в местном оливковом масле – вонючем и резком на вкус. Меню практически не менялось, разве что баклажаны превращались в баклажанную икру, а сыр, купленный на рынке, был в большей или меньшей степени соленым. Такое пищевое однообразие тоже не надоедало. Если уж совсем никому не хотелось готовить, шли в один из трех имевшихся здесь поблизости ресторанов, с такими же одинаковыми, не менявшимися годами, как и шеф-повар, блюдами.

Артем сначала не понимал, зачем покупать недвижимость, привязывая себя к одному месту. Ему хотелось путешествовать, менять города, гостиницы... Ведь дом не бросишь, не запустишь. А если есть собственный дом на море, то зачем ехать куда-то еще? Но с каждым сезоном он все больше проникался этой идеей. Наверное, она напоминала ему детскую дачную компанию, закадычных друзей на один или два месяца, с которыми в городе не общался, но каждый год был очень рад видеть. И представить себе лето без этих друзей было невозможно.

Сюда, погостить в этот городок, он вырывался дней на пять. Дольше уже не выдерживал – начинал скучать. Даже нет, не скучать. Его засасывало, манило это состояние ничегонеделанья. Дни летели стремительно. Так, не приходя в сознание, можно было прожить жизнь и не заметить, как это случилось.

От этого русского анклава веяло стабильностью и определенностью – во всяком случае, они знали, что будут делать следующим летом: приедут сюда, кто на две недели, кто на одну, дети, понятное дело, на все каникулы. Почти все обитатели называли свои дома дальней дачей и смеялись, переживая сразу гамму чувств: и тщеславие (у меня есть дом за границей на море), и гордость (вот какой я молодец, что купил этот дом за такую цену), и некое спокойствие (в случае чего дети дом продадут).

Здесь все начинали курить. Не просто курить, а смолить одну за одной. Сигаретное послевкусие выветривалось мгновенно, по утрам голова не кружилась после первой затяжки, а в сочетании с местным кофе, который заливали кипятком прямо в чашке, не варя, наступало состояние блаженства. И это не было преувеличением.

Отплавав утреннюю или вечернюю дистанцию, все жадно, с наслаждением затягивались сигареткой, откидываясь на неудобном лежаке. Раньше лежаков вообще не было – полотенца бросали прямо на бетонный настил или камни, ерзая спиной и ягодицами по крупной гальке. Никому и в голову не приходило приспособить под пепельницу банку или пустую пачку сигарет – бычки складывали в одну кучку где-нибудь под деревцем или рядом с лежаком, потом их собирал загорелый дочерна спасатель, он же официант, он же бармен.

Обсыхая на берегу, обитатели анклава договаривались, кто к кому придет на свекольник или крошку, и медленно, задыхаясь, с никотиновой одышкой и испариной поднимались каждый на свою веранду, где, сдвинув мокрые пляжные полотенца в угол перил, чтобы не закрывали вид на море, садились и устремляли взгляд вдаль. Нет, сначала наливали себе бокал белого вина, булькая кубиками льда, жадно, прямо у холодильника, отпивали половину и только после этого садились, растекаясь телесами по стулу.

Ой, тела – эта была неисчерпаемая тема для разговоров. После Москвы, сидячей работы нетренированное тело ныло и просило о пощаде на местных горках, пригорках и лестницах. Дамы называли свой отдых фитнес-туром – здесь поневоле все худели и подтягивались. Мужчины хмыкали, но задерживались перед зеркалом дольше обычного, отмечая подтянувшийся живот и загорелые бедра.

После обеда уже с совершеннейшим облегчением и даже тихим счастьем ложились под гудящий вентилятор – спать, спать, спать, прикрыв живот раскрытой наобум книжечкой.

Даже дети подчинялись этому графику, в тупом безразличии утыкались в ноутбук с мультфильмом и сидели не двигаясь, не шевелясь, следя мутным взглядом за двигающимися картинками.

В пять часов пополудни анклав просыпался. Тяжело и неохотно. Как правило, из-за детей, которые начинали, гулко стуча по веранде, пинать мяч, кричать и драться. Их сплавляли на пляж окунуться, а сами вставали под холодную струю душа – освежиться, почувствовать прилив сил, а после рюмочки обнаружить в себе копошащееся желание что-то делать.

К вечеру одевались. Достоинно, продуманно. Шли в гости к соседям – можно было сигануть через невысокий забор, как делали дети. Там стоял даже стульчик для удобства спрыгивания. Если вдруг отношения не ладились и возникала напряженность, стульчик убирали и дыру в заборе украшали искусственным цветком. Впрочем, в следующий сезон стульчик опять оказывался на прежнем месте, а опрокинутый цветок валялся в кустах.

Но куда интереснее было выйти на общую дорогу и медленно, очень медленно, профланировать двести метров, чтобы зайти с лестницы. Каждый сезон все по очереди считали ступеньки, и их количество почему-то всегда было разным, что традиционно становилось предметом спора, как и разговоры о погоде и температуре воды. Женщины, поднимаясь, думали о задней поверхности бедра. Мужчины же принимали эту муку, чтобы потом выпить с чистой совестью за страдания. Чтобы удовольствие было совсем полным и заслуженным.

Новеньких здесь и любили, и не любили. Любили как повод посплетничать. Не любили, потому что... Да непонятно почему.

– Вы уже поддались обаянию нашего местечка? – спрашивали их.

– А-а-а? – спрашивали новенькие, ошалевшие от бесконечных восхождений, спусков и полного отсутствия каких-либо развлечений.

– Здесь удивительная аура, – строго, серьезно говорили старожилы. – Вы поймете это, когда уедете. Вам обязательно захочется вернуться. Сюда все возвращаются. А призрак этого города будет вас преследовать.

Новенькие пугались, кивали и мысленно обещали себе никогда сюда больше не возвращаться. Так говорили все. Такой был первый душевный и физический порыв. Настолько это место, совершенно фантастически выглядывшее на фотографиях, даже тех, которые получались на обычных «мыльницах», отличалось от того, каким оно было в реальности. На фотографиях город, как хамелеон, менял свет и цвет. Особенно вечером. Ему, как женщине, к лицу были сумерки.

Артем сначала не расставался с фотоаппаратом и, просматривая на компьютере снятые накануне или двумя днями раньше фотографии, не мог отделаться от ощущения, что снимал не он и не здесь. Одна фотография его совершенно потрясла – сверкающая, залитая солнцем дорога вверх. Он сделал ее, проверяя вспышку. Такой свет давал единственный на дороге

фонарный столб, который обычно не горел и только в этот вечер залил светом отведенный ему кусок дороги.

Городок, потерянный на туристической карте, был действительно странным. Старый город – по легенде бывшая пиратская крепость – виднелся отовсюду и преследовал, не давая взгляду отдохнуть. Главной достопримечательностью была местная христианская церковь, удивительная сама по себе в этом мусульманском городке с кричащими в записи на электронных носителях муэдзинами. Запись была настолько хороша, что хотелось бухнуться на колени и мечтать о Мекке.

Так вот, церковь, куда по воскресеньям ходили все обитатели анклава, была условно православной, хотя работала и в качестве католической – строго по расписанию, которое всегда менялось. В храме собирались и католики, и православные. И друг другу уже не удивлялись. Казалось, такое соседство даже всех радует. Из соседней – почти дверь в дверь – мечети на лужайку перед храмом заходили мусульмане: посидеть на большой удобной лавке за длинным деревянным столом, пока дети – все вперемешку, включая двух мальчиков в кипах, – гоняли в мяч.

Старожилы были правы. Сюда или возвращались, или забывали этот городок как страшный сон. Точнее, обещали себе забыть, но ни у кого не получалось.

Город-хамелеон, у которого было несколько вариантов написания названия, и никто не знал, какое из них официально правильное, менял и людей.

– Здесь хочется изменить жизнь, – сказала Артему любовница, когда они только приехали. – Или не менять ее никогда. Мне кажется, это твое место.

– Перестань, я, конечно, люблю экзотические места, но не до такой степени. Милое местечко, один раз побывать можно, но не более. Не мой тип отдыха.

* * *

Он вообще смутно вспоминал каждый свой приезд сюда, обещая себе, что этот раз – уж точно последний. Но так складывались обстоятельства, что он вырывал несколько дней из рабочего графика и прилетал в гости – просто, удобно и практически бесплатно.

В памяти оставались обрывки бессмысленных светских разговоров, бесконечные лестницы, холодное, всегда холодное море, неудобный лежак, ночная поездка из ресторана, когда его, как самого трезвого, посадили за руль и попросили довезти до дома. И за эту поездку, когда он затормозил перед самым обрывом, он чуть не поседел, но чувствовал себя героем – всех довез, и они просто чудом остались живы.

Откровенно говоря, он так и не поддался «очарованию» местечка, но отдавал ему должное. Очарование, пусть и искусственно, создавали люди, которые владели здесь домами. Это они придумали миф об идеальном месте на земле – прежде всего для себя – и в конце концов начали в это верить. Артем приезжал сюда, потому что ему нравилась эта компания, собирающаяся только летом здесь и никогда – в Москве. Ему хотелось узнать, как живут обитатели анклава, люди, с которыми у него не было, по большому счету, ничего общего. Они смотрели на него, «другого», а он на них.

* * *

Эта пара приезжала всегда в мае – в июне уже становилось жарко. Они жили в единственной местной гостинице, но их все считали «своими», хотя никто не знал, как их зовут. Они со всеми здоровались, но никогда ни с кем не общались. Артем не мог объяснить, почему хочет их увидеть, но старался прийти на пляж пораньше, зная, что они уходят еще до того, как самые заядлые пловцы собираются на утренний заплыв.

Они выглядели как типичные европейские старички. Он поджарый, смуглый, в модных молодежных плавках-боксерах, стоял на пирсе и делал круговые движения бедрами. Совершенно не чувствовал свой возраст. Если бы не кожа, съезжившаяся, как куриная шея, – точнее не скажешь, то какие там годы...

Она же, напротив, была полноватой, с ложбинками-канавками вдоль позвоночника. И даже грудь не висела мокрыми тряпочками, а уверенно лежала на животе, чем она гордилась и всегда старалась держать спину ровно. А вот руками – и это тоже было заметно – всегда была недовольна: женщины стареют с рук, не с кистей, а с предплечий. Как-то враз, после тридцати, предплечья перестают быть тонкими, такими, что можно обхватить указательным и большим пальцами. Обвисают, раздаются, расплываются... Она всегда накидывала на плечи шелковый палантин.

Он держал ей полотенце, когда она надевала трусы от купальника. Она мазала его спину солнцезащитным кремом, растирая маленький бугорок – отложение солей – на шее. Каждое движение, каждый жест был отработан даже не годами – десятилетиями. Они двигались, как на киноплёнке – в какую сторону ни перемотай, кадры не изменятся ни на одно движение. Артем даже проверял – вот она повернулась, значит, сейчас достанет полотенце, будет мазать мужа кремом только после того, как повесит плавки на скалу, не раньше. И повесит именно на этот выступ, ни на какой другой, и именно за правую часть. И полотенце она всегда складывала особым образом: тоже своеобразный ритуал – пополам и потом, загибая к середине и никогда по-другому. А он всегда крепко держал ее за руку, как маленького ребенка или так, как держатся влюбленные подростки, словно боялся потерять.

Было еще рано – младенцы, которых привозили на море и, орущих, засовывали в еще холодную воду, в этот час доедали свою кашу. Дети постарше досматривали мультики, подростки медленно просыпались и медленно вставали. А матери лихорадочно собирали пляжные сумки, стараясь ничего не забыть – купальник, плавки, игрушки, ведерки, салфетки, памперсы, жвачку, полотенце, еще одно, панамки...

Они любили это время, поскольку мамы, с их вечно озабоченными лицами, и дети, горлающие, лезущие, ноющие, их, говоря откровенно, раздражали. Им нравилась ровная гладь моря, еще не замутненная телами и поднятым со дна песком, вода, последние утренние минуты тишины. Они, на правах старожилов, чувствовали себя здесь хозяевами, а все эти люди – так, назойливые соседи, с которыми не имеет смысла ссориться, а проще сохранять дистанцию.

– Вы давно сюда приезжаете? – спросил Артем. Ему и вправду было интересно, к тому же он считал естественным поддержать разговор, раз уж они сидели рядом.

– Давно. Когда здесь еще было пусто, – ответила женщина. – Мы сами убирали пляж, пока не появилось это... – Она кивнула в сторону бара и домов.

– Здесь никого не было. Только мы и наше место, – вступил в разговор мужчина. – За неделю не встретишь ни одного человека. И про этот пляж никто не знал.

Им было жаль, что «их» место перестало принадлежать только им, и они были не в силах искать для себя новый «необитаемый островок».

Он всегда заходил в воду с лесенки – чтобы сразу на глубину, позволял себе прыгнуть со ступеньки. Она – с берега, чтобы не замочить голову. Он плыл до камня, а она опять думала, что надо бы пристегнуть к плавкам булавку на случай, если у него сведет ногу, – возраст все-таки.

Потом они садились рядышком на шезлонги, он открывал книгу и читал вслух – она всегда забывала очки, без которых не видела буквы, и всегда их искала, роясь в сумке. Каждое утро. Ему нравилось вот так сидеть, чтобы она держала его за руку чуть выше локтя, слегка сжимая. Потом она шла домой, а он «выходил в море» – молодежная бандана, рубашка, спасательный жилет. Его лодка была самой маленькой в этой бухте, но он ее обожал.

– Поаккуратнее там, – просила она.

– А можно мне с вами? – как-то, не выдержав, попросился Артем.

Мужчина кивнул.

Они плавали полчаса, и за это время мужчина не проронил ни слова. Женщина стояла на пирсе и смотрела на них, не двигаясь.

– Надо возвращаться, – сказал он, поворачивая руль. – Мне жену пора завтраком кормить.

Артем кивнул.

Даже это совместное плавание не разрушило стену, которую они, эти два старика, построили между собой и всем остальным миром.

– Устал? – кинулась к мужчине жена, когда они вместе с Артемом затащили лодку на берег.

– Немного, – ответил он, хотя плавал меньше обычного.

– Пойдем домой, – ласково сказала она и протянула ему ладонь.

Больше Артем не делал попыток нарушить их уединение и даже перестал приходить рано на пляж, замечая, что они невольно напрягаются, когда его видят.

Мужчина далеко не уплывал и возвращался с уловом – угрем, парой рыбешек, в особенные дни – осьминогом. Она всплескивала руками и восхищалась. И ему это нравилось. Он ощущал себя добытчиком, мужчиной, который принес пропитание.

Он «уходил в море», а она шла по ступенькам домой. К морю тянулись соседи – те самые мамы с детьми. Дети роняли ведерки, панамки и недоеденное печенье. Она подбирала, звала детей. Дети, как правило, не благодарили, принимали как должное, хватали и неслись вперед. Иногда она не выдерживала.

– Надо говорить «спасибо», – говорила она детям.

Те кивали и спешили сбежать.

– Ваши дети не говорят «спасибо», – сообщала она идущей следом замученной уже с утра матери.

– Я им скажу, спасибо, извините, – отвечала мать и уносила следом за своими дурно воспитанными детьми. В тот момент ей совершенно было за них не совестно, а было страшно, что они на бегу свалятся с горы и расшибут себе голову.

Иногда эти дети просто выводили из себя женщину.

– Вы слишком громко говорите, это неприлично, вы мешаете остальным, – делала она замечание.

Дети замолкали, но уже в следующую минуту начинали визжать, увидев раковину или медузу.

Несколько лет назад у нее был инсульт. Обошлось. Все восстановилось, кроме правой части лица. Grimаса недовольствия перекосила рот и щеку. От природы добродушное и мягкое лицо стало недовольным и брезгливым.

Они жили вместе очень много лет – всю жизнь. У них не было никого, кроме друг друга, и никто им был не нужен – ни дети, ни внуки, ни другие родственники. Все, кто был, уже давно умерли. А они жили.

– Эгоисты, – услышал Артем разговор двух мам, которым всегда доставалось от женщины. – Умрут и никого после себя не оставят. Какой смысл?

– А может, так и надо? – откликнулся неожиданно для себя Артем.

– Кому надо? – удивилась одна женщина. – Это чисто мужской взгляд на жизнь.

– Зато они любят друг друга... – сказал Артем.

– А ради кого они жили?

– Ради друг друга... – ответил Артем.

– Им повезло, что они вместе дожили до таких преклонных лет, – грустно сказала женщина. – Если бы один из них умер раньше другого, все было бы по-другому. Конечно, они на

свежем воздухе, без забот и хлопот... А ты попробуй каждый день на износ жить. Когда рядом никого нет, ты одна и не можешь себе позволить лишний час в кровати поваляться, даже в туалет нет времени сходить... и денег нет... – Она неожиданно разозлилась и замолчала.

– Да, вы правы, – привычно, в своей манере, согласился Артем и улыбнулся.

– Это ведь здорово, когда мужчина тебя так любит до старости. То есть всегда, всю жизнь, – тут же оттаяла женщина. – Смотришь на них, и хочется верить в такую любовь.

– Не верьте. Так не бывает, – отмахнулся Артем.

– Бывает, – вздохнула женщина.

* * *

Этот дом появился тоже как бы сам по себе – Артем не прилагал к этому никаких усилий. Он уже и не помнил, кто из «старших товарищей» познакомил его с риелтором и кто из них дал в долг. Откровенно говоря, Артем даже представить себе не мог, что станет владельцем собственной виллы в другой стране, да еще на море.

Он отчетливо помнил, как впервые открыл дверь «своим» ключом – руки почему-то тряслись – и зашел в огромное гулкое помещение – в «свой собственный дом». «Идиот, зачем мне это надо?» – подумал он.

Именно о таком доме он мечтал – большом, холодном, с обжигающим ступни мрамором на полу, пахнущем сыростью и пылью, с пауком, болтающимся в углу на нитке паутины, и водой в кранах, никогда не бывающей теплой – только холодной или только горячей. Ему нравилась винтовая лестница и слишком низкий потолок над ней – он сразу же ударился о притолоку головой. Нравилась убогая штукатурка и потолок в желтых разводах после ливня. Нравилась огромная терраса-солярий – совершенно бестолковая, бессмысленная, с одиноким зонтом от солнца посередине. Конечно же, рваным.

Артем приехал не в сезон, специально чтобы насладиться, обустроиться и почувствовать себя «домовладельцем». Конечно, ему хотелось поразить соседей. Позвать их всех в гости. К себе. До этого он сам был гостем, пусть и желанным, но гостем, не полноправным членом анклава.

Он с энтузиазмом начал покупать мебель и развешивать по стенам постеры с киноафишами. Посуду заказал в Италии, куда специально ради этого сплавал на пароме. Африканский ковер, кофейный столик с выгравированной на столешнице звездой Давида, обеденный стол из цельковой мраморной плиты, очень похожей на перевернутое надгробие. Работы соседа справа, художника-шизофреника, и каляки-маляки пятилетней дочери соседей слева в одинаковых рамках в гостевой комнате – Артем хохотал, когда развешивал картины, настолько они были похожи по манере. Одна рука.

Старая деревянная дверь с облупившейся краской, стоявшая просто так у стены в гостиной. Он выпросил ее в местной затерянной между ослиными тропами деревушке. Его туда занесло случайно – заблудился и ехал наобум, пока не наткнулся на домишки. Дверь одного из них была удивительная – с ручкой-петлей, потрескавшаяся, изумрудная. Артем буквально сам снял ее с петель, сунув в руки старику-хозяину сколько-то долларов. Уезжая с примотанной на крыше автомобиля дверью, Артем обернулся – старик стоял в голом проеме, не двигаясь. Артем крутанул руль, подняв пыль, и через минуту снова посмотрел в зеркало – уже не было видно ни старика, ни деревушки, как будто они осели вместе с дорожной пылью.

В каком-то истеричном дизайнерском приступе он заказал местному строителю-прорабу камин. Прораб посмотрел на Артема, как на чумного, и предложил купить обогреватель. «Нет, камин», – заупрямился он. В голове уже была картинка – придут гости и будут стоять рядом с камином с бокалами вина. Уже позже, когда камин был выдолблен и выложен, а рядом поставлена кадка для дров на львиных лапах, оказалось, что за дровами надо ехать. Далеко. А сначала

достать разрешение на этот камин, поскольку здесь любой очаг, как объяснили Артему в местном управлении, мог привести к лесным пожарам на всем побережье, а вырубка даже одного дерева – к нарушению всего микроклимата на Земле, о чем чиновник говорил без тени улыбки.

Спустя полгода Артем, чертыхаясь и ломая спички, все-таки камин зажег. Конечно же, дым пошел в комнату, потому что вытяжку прораб не сделал.

Камин стоял для красоты, как и многое в этом доме.

* * *

Когда в его жизни появилась Анжела, Артем точно не помнил. Он возвращался в Москву и хотел просто закрыть дом. Но кто-то из соседей сказал, что так делать нельзя, и дал телефон Анжелы – домработницы, которая будет присматривать за домом в отсутствие хозяина. Следить за садом, бойлером и электричеством.

Артему Анжела не понравилась сразу и категорически. «Отрицательного обаяния человек», – подумал он. Крупная женщина в лосинах и мужской футболке. Слишком громкая, слишком наглая, слишком говорливая. Но Артем решил, что раз Анжелу «передали» соседи, значит, от нее неудобно отказываться. Неудобно было перед соседями, а не перед домработницей. К тому же хозяйственные дела начали его утомлять – нужно было еще ставить шкафы, вешать полки, общаться со слесарями.

– А ты чем занимаешься? – спросила, сразу переходя на «ты», Анжела.

– Работаю, – ответил Артем.

– Да все вы тут типа работаете, – сказала презрительно домработница. – Куда ни плюнь, в гения попадешь. Один картинку малюет, другой в компьютере буквы пишет. А как набухаются, так начинают хозяйством мериться. Кто из них больше гений? Слушать противно. А ты конкретно что делаешь?

Этот простой вопрос поставил Артема в тупик. Он не знал, как на него ответить. Не мог определить, чем занимается.

Он начинал в агентстве по организации вечеринок, дней рождений, свадеб и юбилеев. Артем ничего не придумывал, не писал сценариев, но самый банальный сценарий мог преподнести заказчику как конфетку. Артем умел рассказывать – «ездить по ушам», как говорила его коллега-любовница. Он умел «преподнести» товар так, что клиент был уверен – его праздник будет уникальным. Потом Артем перерос это агентство и ушел в другое – организовывать фестивали, конференции и прочие слеты творческой интеллигенции. Ему нравилась такая жизнь – с поездками, встречами, застольями.

Все это он зачем-то рассказал Анжеле.

– Хороша работенка – языком чесать, – отозвалась домработница.

– Ну не всем же вагоны разгружать, – попытался отшутиться Артем и уточнил: – Вы справитесь? Точно?

– Хуже не будет. – Домработница презрительно обвела взглядом дом.

Артем уехал, оставив ее на хозяйстве. Вернулся через месяц.

– Да что б тебя! – ругнулся он, больно ударившись головой о плафон на длинной цепи, который висел посередине между гостиной и кухней. Плафон был мутный, слабый и освещал маленький кружок под собой. Артем встал на носки и вытянул шею – внутри плафона лежали трупы комаров, мух и одна стрекоза.

– Красиво? – подбочившись, спросила Анжела. – Как я его вешала – это отдельная история.

– А почему так низко?

– Нормально. Как раз. Это ты с непривычки бьешься. Еще раз долбанешься, научишься обходить.

– А почему в этом месте?

– Что ты к этому светильнику прицепился? Куда его еще вешать? – огрызнулась Анжела. – Не нравится – сам перевешивай.

– А зачем вы ковры скатали? – Артем стоял на голом мраморе босиком. Ноги начинали мерзнуть.

– А чего тут пылесборник устраивать? Тапки надень – и нормально будет, – ответила Анжела.

В тот же день Артем решил ее уволить.

Домработнице было глубоко наплевать на расставленные им лично в определенном порядке фигурки сфинксов. Анжела была патологической неряхой, у которой в одной коробке лежали губки для мытья посуды, перчатки и пакеты с рисом и макаронами. Итальянские тарелки – тяжелые, расписанные вручную синими цветами, которые Артем вез, перемотав пакетами и собственными рубашками, были «покоцаны». Анжела так и сказала:

– Я их тут немного покоцала. Уронила. Но нормально, только по краю, есть же можно.

У домработницы, как заметил Артем, была своя система порядка. Все вещи, с которыми она не знала, что делать, были свалены под стол. Стол она прикрыла скатертью до пола.

Из маленькой комнатки, которую Артем мечтал превратить в библиотеку, сделав узкие, на одну книгу, полки от пола до потолка, Анжела сделала кладовку, заставила ведрами, швабрами и завалила бесконечными пакетами. Переступая через какие-то пустые коробки, Артем опять ударился головой о плафон, такой же, на длинной цепи, как и на кухне.

«Уволю, блин, – подумал он. – Немедленно».

Только его комнату, спальню, Анжела не тронула. Во всяком случае, там ее рука не чувствовалась. Журнал валялся на полу рядом с кроватью, где он его оставил. На полке стояли вырезанные из дерева женские фигуры – пыль была вытерта строго между ними. Артем открыл шкаф и достал простыню – влажную и неглаженую. Открыл другой шкаф в поисках подушки и замер. Подушки и одеяла Анжела проложила еловыми ветками, цветками лаванды и кусочками мыла. Точно так же делала его бабушка. И от этого запаха – цветочного, ядреного запаха детства – у него закружилась голова.

Анжела в это время стояла под дверью и прислушивалась. Она прекрасно слышала, как Артем ругался в кладовке, как он морщился, глядя на ковры. Она слышала, как он грохнул дверью шкафа. Когда его шаги за дверью затихли, она улыбнулась, сама себе кивнула и ушла.

* * *

Все-таки это было странное место. Многие, особенно женщины, жаловались, что плохо спят по ночам – мучают кошмары. Дети во сне кричали и разговаривали. Никто не мог здесь работать. Даже читать пустую пляжную литературу было тяжело. Зато здоровье удивительным образом «поправлялось» само собой, несмотря на немыслимое количество сигарет и вино, которое пилось, как вода. Артем взял за правило ходить утром за водой, продававшейся в пятилитровых канистрах, – ту, что текла из крана, пить было нельзя. Он почти бежал до церкви, поднимался в гору, спускался к овощной палатке, покупал две канистры для баланса и шел, следя за дыханием, назад. Такая пробежка заменяла ему ежедневные двухчасовые тренировки в фитнес-клубе. Он заворачивал на пляж, ставил канистры на лежак и нырял с головой с камня. Плыл быстро, обжигаясь ледяной водой. Помимо пожилой супружеской пары в это время на пляже можно было встретить только художника-шизофреника.

– Не волнуйся, я сторожу, – приветствовал Артема художник, показывая на канистры.

– Спасибо, – отвечал Артем, – как жизнь?

Художник обычно не отвечал. Он вставал в полный рост, вытягивался, раскидывал руки в стороны и говорил: «Хорошо-то как, Господи!» Потом поворачивался в другую сторону, опять раскидывал руки и еще раз восклицал: «Хорошо-то как, Господи!»

– Ну да, неплохо, – отвечал Артем.

– Нет, мой хороший, – художник всегда называл его «мой хороший». – ХОРОШО! Ты посмотри, какая красота вокруг! Такое естество!

– Вы сейчас пишете? Работаете?

– Нет, мой хороший, я набираю. Набираю и набираю... вот это всё.

Художник смотрел на море и улыбался широкой детской улыбкой.

Артем забирал канистры и в последнем рывке – с нагрузкой – взбегал на гору и по ступенькам к дому. Сразу шел в душ, где под струями воды на него накатывало состояние абсолютного спокойствия. Покоя и равновесия. Ради этих секунд Артем и бегал за водой. Нигде в другом месте и при других обстоятельствах он не мог поймать, ощутить это состояние.

Анжела гремела на кухне посудой. Она всегда шумно, с бряцаньем складывала тарелки, бамцала кастрюлями и разговаривала сама с собой. Каждый день готовила Артему обед, хотя он просил ее не готовить, говорил, что не хочет, не может здесь, на жаре, есть суп и котлеты, мол, в Москве наелся. На самом деле он брезговал, один раз увидев процесс приготовления. Анжела плохо чистила морковь, картошку не промывала под водой, рядом с разделочной доской лежала старая вонючая губка, которой она чистила раковину. Домработница пробовала суп ложкой и ею же опять мешала в кастрюле, добавляя соль или перец.

Он так ее и не уволил. Сначала из-за того запаха мыла и лаванды, потом из-за вареников, которые она налепила.

– На, иди вишню собери, поспела уже, – сказала она Артему в один из дней, сунув ему в руки большую эмалированную кружку. – Я вареников налеплю.

Артем застыл с кружкой в руках – это тоже было воспоминанием о бабушке, у которой он провел одно-единственное лето, навсегда оставшееся в памяти как лучшее в его жизни. Он собирал вишню, ел прямо с дерева и понимал, что не может уволить домработницу. Позже она поставила перед ним тарелку с варениками, большими, толстыми, щедро посыпанными сахаром и залитыми сливочным маслом, такими, какие он ел в детстве.

* * *

Каждый сезон Артем приезжал с новой девушкой – не потому, что был ловеласом, просто так получалось. Точнее, не получалось сохранить отношения. Если в Москве все было хорошо, то здесь становилось все плохо. Сразу же. Артем не понимал, в чем дело. Почему его милая, добрая, легкая избранница в один день становилась истеричной, раздрыганной и злобной.

– Такое место, мой хороший, – шепнул ему однажды художник, – гиблое... пиратское... тут все рушится. Фокус меняется. Аур тут.

Одно время Артем считал, что во всем виновата Анжела, которая окончательно почувствовала себя в доме хозяйкой и каждую новую пассию Артема воспринимала в штyki.

– И чей-то тут? – заходила она на кухню, когда девушка жарила Артему, например, омлет. – Не, он такое есть не будет, – засовывала она нос в кастрюлю.

– Почему? – пугалась девушка.

– По кочану, – отвечала Анжела.

– Почему ты ее не уволишь? – рыдала девушка, которой Анжела за короткий отрезок времени успевала рассказать о том, кто здесь был до нее и в каком количестве, перечисляя имена и рисуя словесные портреты предшественниц. В рассказах Анжелы Артем становился то законченным алкоголиком, то импотентом, то ловеласом, то всем сразу. А каждая предыдущая девушка была, несомненно, лучше нынешней.

– Ты его плохо знаешь, – подытоживала Анжела, глядя в широко распахнутые от ужаса и обиды глаза девушки. – Не то, что я. Все на моих глазах. Чего тут только не было...

Артем не мог объяснить барышням, почему он не увольняет домработницу-хамку. Пытался рассказывать про лаванду и вареники, но девушки, как одна, отказывались его понимать.

Анжела стала для Артема таким же символом местечка, как общественная помойка, до которой нужно было идти минут двадцать, повесив мусорный мешок через плечо, словно Дед Мороз. Никто из домовладельцев почему-то не скинулся и не нанял машину, которая вывозила бы мусор, – все тащили мешки на себе, страдая и кляня все на свете.

Впрочем, иногда Артем думал, что художник был прав насчет места.

Вот почему его все считали шизофреником? На самом деле – нормальный человек. Не без странностей, конечно. Но не шизофреник. Говорили, что в Москве он вел себя абсолютно адекватно. И жена бывшая у художника имелась, и ребенок, и родственники какие-то приезжали, и новый муж бывшей жены, и ее второй ребенок, которого художник ласково трепал по голове и учил рисовать. Все, как у людей.

И вот что удивительно. С тех пор как у Артема появился этот дом, его жизнь изменилась – все стало легко даваться. Буквально сыпалось на голову. Он сделался любимчиком фортуны. Доходило до смешного – если, будучи в командировке, Артем клал в сумку зонт и свернутый плащ, хотя дождей не обещали, в день приезда начинался ливень, и все мокли, кроме него. Если, уезжая в жару, он по ошибке засовывал в чемодан свитер, жара немедленно сменялась холодом. Как раз до нужной температуры – чтобы можно было ходить в свитере. Если во время осмотра достопримечательностей нужно было разуться, например, перед входом в мечеть, у него обязательно оказывался завалявшийся в кармане крем от грибка на ногах. Он всегда был одет по погоде, новая обувь никогда не стирала ему ноги, телефон никогда не отключался, кредитные карты никогда не блокировались. Он не травился новой едой, не заболел под кондиционерами, не страдал жестоким похмельем от паленого коньяка. Его не обсчитывали в ресторанах, ему не хамили на улицах. Его миновали все возможные и невозможные напасти. Даже в магазинах, куда он заходил просто так, оказывались баснословные скидки. И на вешалке оставался именно тот размер, который идеально ему подходил.

На работе тоже все складывалось как нельзя лучше – он привел в агентство несколько клиентов, с которыми в очередной поездке случайно познакомился и разговорился. Клиенты оказались солидными, и Артему дали такую премию, что он смог выплатить долг за дом.

Все знакомые – и старые, и новые – задумывались о цене, которую он платит за свое беззаботное счастье и подарки судьбы. Это тоже давно все заметили. Стоило ему чего-то пожелать, только обмолвиться о чем-то, как буквально через несколько дней желаемое падало на голову. Например, захотел он поехать в Тоскану, и вот, пожалуйста, знакомые предлагают приехать на виллу – цветы поливать месяц и собаку кормить. Задумывался об этом и сам Артем, но все реже и реже, потому что не было никакой «цены». Он был молод, здоров и успешен. Жил для себя, в свое удовольствие. Тратил деньги на себя, свой дом. У него не было больных родителей, которых нужно содержать и покупать им лекарства. Не было детей, которых нужно растить. Не было никого, кто разрушил бы его жизнь счастливого эгоиста. Он привык брать, а не отдавать и воспринимал это как должное.

В тот период Артем получал удовольствие от своего нового статуса, ему нравилось быть владельцем дома. Он придумывал его не для себя, для других – соседей, гостей, любовниц. Ему нравилось наблюдать за их реакцией – неизменно восхищенной.

Изю всех путешествий он вез в дом коврики, картины, статуэтки, столы и стулья. Просто приехать в магазин и просто выбрать по каталогу не мог. Замечал за собой, что ему стали нравиться всякие стаканчики для свечек, подставки под тарелки. Даже те коллеги и знакомые, кто посмеивался над его домовитостью и отчасти женской заикленностью на предметах инте-

рьера, признавали у него наличие вкуса. А он мог добрый час выбирать декоративных рыбок, чтобы повесить их на ручку двери.

В доме, несмотря на всесильную и вездесущую Анжелу, которая вносила хаос и могла устроить беспорядок даже в пустом помещении, у Артема было все продумано до мелочей. Сложенные в газетнице журналы – в определенном порядке. Прекрасная подборка CD, библиотека, тоже не просто, а со значением – несколько томов на английском, пара покетбуков на французском. Манн, Бёльль, красочные путеводители, детективы, бестселлеры современных авторов. Чем старше становился Артем, тем больше ощущал себя визуалом.

Девушки у него тоже были как картинки. Недостатка в женском обществе он не испытывал. Даже в этом ему не приходилось прилагать усилий. Привлеченные валящимся на голову Артема счастьем, его легкостью и коммуникабельностью, они появлялись регулярно – не просто красавицы, но и умницы. Артем искренне считал, что жить с ним – счастье, и так же искренне не понимал, почему его бросали. Впрочем, он предпочитал не вникать в причины, считая, что девушка просто не поняла, что потеряла. После расставания он страдал – дней десять. Но потом делал так, как всегда – ждал появления новой, пусть кратковременной, любви.

– Почему ты от меня уходишь? – спросил он последнюю свою пассию. – Тебе со мной разве плохо?

Спросил не потому, что дорожил ею и хотел удержать, – ему и вправду было просто любопытно.

– Раздражает, – ответила та.

– Что-то конкретное или все вместе?

Девушка, собиравшая чемодан, повернулась и посмотрела на Артема.

– Меня раздражает, как ты подпихиваешь под себя одеяло, когда ложишься спать. Этого достаточно?

– Вполне.

Артему, конечно же, этого было недостаточно, но он, во избежание скандала, не стал развивать тему. Да, он подпихивал под себя одеяло, заворачиваясь в кокон. С детства так делал и совершенно не собирался избавляться от этой привычки, вполне невинной, с его точки зрения. Он не был идиотом и понимал, что это – мелочь. Она сказала про одеяло, потому что нужно было просто что-то ответить. Понимал он также и то, что становился законченным, хроническим эгоистом, и именно это было настоящей причиной расставания. Впрочем, девушки думали, что он ничего не понимает.

Иногда он пытался разобраться в себе, вспоминая слова, выкрикнутые в истерике: «У тебя всегда все есть? Существует хоть что-то, чего у тебя не было бы? Тебе хоть когда-нибудь бывает плохо? Ты вообще живой человек?»

Это было года два назад. Здесь же. В этом доме. Девушка, Даша, отравилась в ресторане. Лежала, белая, на диване и страдала. Артем поймал себя на мысли, что она ему мешает и он хотел бы, чтобы она испарилась в одну секунду.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он для приличия.

Вместо ответа Даша разразилась истерикой. Тогда он достал из аптечки лекарства, заварил ей ромашковый чай и стал собираться на пляж.

– Тебе же наплевать на меня, – сказала Даша, забирая у него чашку. – Зачем ты это делаешь? Чтобы не выглядеть мерзавцем в собственных глазах? Было бы честнее просто уйти. От твоей показной заботы становится тошно! Ты хоть что-то можешь делать искренне? Не для показухи?

Даша бросила в него блюдцем. Артем пожал плечами и ушел.

* * *

Это случилось в один год. Фортуна отвернулась.

Артем проснулся от телефонного звонка. Даже не проснулся – очнулся. В доме было душно, хоть и жужжал вентилятор. Артем мучился уже вторую ночь, ставя его на разные режимы и подумывая о том, чтобы купить кондиционер.

Телефон звонил внизу. Он спустился и снял аппарат с холодильника, куда его почему-то упорно ставила Анжела. Глазом отметил, что шесть утра, значит, восемь по Москве. Все равно рано.

– Аллю, – хрипло, со сна, просипел Артем.

– Привет. Это я.

Звонила сестра. Она никогда ему не звонила сюда. Да и вообще редко звонила.

– Привет, – ответил он.

Видимо, она ждала, что он спросит – что-то случилось? Он не спрашивал – никогда не умел разговаривать с сестрой.

– Отец умер, – выдохнув, сказала она.

– Как умер? – задал он самый идиотский из всех возможных вопросов.

Сестра не ответила, выразив возмущение глубоким вздохом.

– Когда? – спросил Артем.

– Два дня назад. Завтра похороны.

Вот она всегда так. Артем почувствовал, что закипает. Он ненавидел эту привычку в сестре больше всего – позвонить в последний момент, огорошить и следить за его реакцией.

– Я не знаю, есть ли рейсы, буду узнавать, да, я приеду, конечно, – помимо своей воли начал оправдываться он.

– А если не будет билетов, то ты не прилетишь, я правильно понимаю? – с вызовом проговорила сестра.

– Послушай, здесь шесть утра. Я ничего не знаю. Если не будет билетов, то как я прилечу?! Кстати, а почему ты мне не позвонила сразу?

– Не до того было. Мы со Стасиком все организовывали... тебя же не было. Как всегда...

Стасик был мужем сестры, которого Артем ненавидел еще больше, чем сестру. Мерзкий блондинчик с гнилой подхалимской улыбкой. «Мутный» – называл его Артем. Тот, старший лейтенант милиции, отвечал Артему взаимностью, презрительно называя его «богемой», что звучало как ругательство и оскорбление.

– Что значит, как всегда?! – заорал, уже не сдерживаясь, Артем. – Что значит – меня не было? Почему ты мне сразу не позвонила? Ты специально?

– Прекрати кричать. Стасик, он говорит, что рейсов нет, поэтому он не прилетит, – сказала сестра в сторону.

– Я не сказал, что не прилечу!!! Я сказал, что буду узнавать!!! Ты как была идиотка, так и осталась!!!

– Все, я не хочу с тобой разговаривать. Приедешь – приедешь, нет – не надо. Мы со Стасиком были к этому готовы. А то, что ты отца не похоронишь по-человечески, останется на твоей совести. Пока мы тут бегаем и все организовываем, ты там на море загораешь. У тебя вечно отговорки – то рейса нет, то еще что-нибудь.

– Прекрати читать мне нотации! Прекрати пороть чушь!

Артем кричал уже в пустоту – сестра швырнула трубку. Так заканчивались все их редкие, непродолжительные разговоры.

Артем бросил телефон в стену.

– Что ты орешь? – зашла в комнату Анжела. – Петух жареный в задницу укусил с утра пораньше?

– Отец умер. Сестра звонила.

– А-а-а, эта? – Анжела не любила сестру Артема, которую никогда в жизни не видела, исключительно по гендерному признаку. – И чё теперь?

– Надо возвращаться. Где телефон справочной аэропорта? И где мой чемодан?

– Телефон в блокноте на столе, чемодан в шкафу.

– На каком столе? В каком шкафу? Анжела, почему я никогда ничего не могу найти в этом доме?

– А я откуда знаю? Я все нахожу, – ответила домработница.

В справочной никто не отвечал.

– Шесть утра, – буркнула Анжела и бухнула к ногам Артема чемодан.

В восемь он дозвонился. Билетов на ближайший рейс не было. Улететь можно было только ночью.

– Неужели никак нельзя по-другому? А через другой город? Помогите! Мне все равно! У меня отец умер! – кричал он в трубку на всех известных ему языках.

Представительница авиакомпании выразила соболезнования и сожаления, что ничем не может помочь.

Артем сел на стул, не зная, что делать. Рядом грохотала сковородками Анжела.

– Ну что, завтракать-то будешь? – спросила она. – Или мне не заморачиваться?

Артем посмотрел на нее, как на больную.

– У меня отец умер, какой завтрак? И что значит – заморачиваться? Это ваша работа, если вы забыли, – сжав зубы, чтобы не заорать, как на сестру, процедил он.

– И что теперь? Умер-шмумер, лишь бы был здоров. Сидеть голодным теперь? Тоже мне страдалец. Ты когда отца в последний раз видел? Сам-то помнишь? Так что нечего тут сыновнюю любовь изображать. Завтрак готовить или я зря подскочила?

– Не готовить! – рявкнул Артем.

– Ну мне же легче.

Артем вынужден был признать, что Анжела права. Он не страдал, и это его мучило больше всего. Почему ему совсем-совсем не плохо? Хотя бы немножечко не плохо. Его даже радовало, что он оказался здесь, и что билетов нет, тоже радовало. Пусть Стасик с сестрой побегают – не развалятся. «Так ведь нельзя думать», – уговаривал себя Артем.

– Иди поплавай, мозги проветри, – сказала Анжела. – Отцу теперь все равно, приедешь ты или нет.

– Господи, Анжела, вы можете немного помолчать? Можно хоть чуть-чуть уважения проявить?

Анжела многозначительно грохнула сковородкой и ушла в сад.

Артем поднялся к себе в комнату, завалился на кровать, подоткнул под себя одеяло со всех сторон и... заснул. Глубоким спокойным сном без сновидений.

Проснулся от телефонного звонка. Звонили из аэропорта – для него нашелся билет. Нужно срочно приезжать. Просто удача, что его удастся посадить на ближайший рейс. Артем встал под ледяной душ, чтобы проснуться, и, не попрощавшись с Анжелой, уехал.

Прямо из аэропорта он поехал в ресторан на поминки. В дороге опять думал о чем угодно – что сестра выбрала этот дурацкий ресторан на отшибе, что Анжела уже достала и ее надо увольнять, что забыл половину нужных вещей. Думал обо всем, кроме отца.

В самолете он с радостью послушался просьбы бортпроводника, отключил телефон и не спешил его включать, когда самолет приземлился, хотя было уже можно. Он включил его только в такси, и телефон сразу подал сигнал – пришла отправленная несколько часов назад эсэмэска от сестры: «Я так и знала».

Это означало, как догадался Артем, что они уже на кладбище. «Я прилетел. Буду на поминках», – написал он ей. «Можешь не спешить», – ответила сестра. Он и не спешил. Подъехал к ресторану – одно название. На самом деле кафе между автомойкой и шиномонтажом. Долго искал кошелек, чтобы расплатиться с таксистом, долго вытаскивал чемодан из багажника, стоял перед дверью и курил, пока наконец на выдохе не зашел внутрь. Из коридора заглянул в зал. Кого сестра собрала? Кто все эти люди? Зачем она соседа притащила – отец его терпеть не мог. Он посмотрел на стоящие на столе закуски – заливное, оливки, оливье, мясную нарезку, – и его затошнило.

Он пошел в туалет, где столкнулся со Стасиком.

– Привет, – сказал Артем.

– М-м-м, – ответил Стасик, – мы тебя не ждали.

– Стас, заткнись, не начинай сейчас, – проговорил Артем резко. – А то я за себя не отвечаю.

Тот криво ухмыльнулся и замолк.

– Деньги нужны? – поинтересовался Артем, досчитав до десяти, чтобы успокоиться, и ополоснув лицо холодной, пахнувшей хлоркой водой над грязной раковиной.

Стасик опять что-то нечленораздельно промычал, стараясь не смотреть на Артема.

– Вот. Держи. – Артем достал кошелек и вытащил все деньги, что были. – Этого хватит? Я туда не пойду. Сестре привет.

Артем вышел из ресторана, глубоко вздохнул, чтобы справиться с рвотными позывами, и поехал домой.

На следующий день он поехал на кладбище, где была могила матери. Артем дважды прошел мимо по дорожке, не узнавая. Плиту завалили искусственными венками и прямо в свежую землю воткнули портрет отца – Артем его не узнал на этой старой официальной фотографии, настолько она была далека от реальности. Между соседними могилами валялась пустая бутылка дешевой водки, расколотое блюдо и разрезанная пополам пластиковая бутылка. Артем постоял минуту и ушел.

* * *

В том местечке на берегу моря помимо церкви и помойки главным ориентиром было кладбище. Старое, с семейными могилами. Артем любил там гулять. Впрочем, как и все. У каждого была своя «любимая» надгробная плита. Художнику-шизофренику нравилась та, где была похоронена некая Агриппина фон Либеншульд. Ему нравился шрифт и такое звучное сочетание. И женщина, чей портрет был высечен на камне.

– Какая была женщина! – говорил художник с восторгом, как будто знал покойницу лично.

Артем отдавал предпочтение другой гробнице – с многочисленными именами дедов, отцов, жен. Последней, без указания даты смерти, а только с датой рождения, значилась сноха Выдра. Значит, сноха по имени Выдра, находящаяся в добром здравии и, судя по году рождения, еще не в преклонных летах, заранее позаботилась о том, чтобы лечь именно здесь. Забронировала место. Про эту могилу художник неизменно говорил: «Бедная, бедная женщина...» – и рассказывал анекдот про свободное место на Ваганьковском кладбище, куда лечь надо завтра.

Артему нравился логичный, очень удобный и простой способ захоронения – когда к могильной плите приделаны большие ручки-кольца. Поднял и опустил, не надо заново вырывать, засыпать, ждать, когда опустится земля...

За кладбищенской оградой – кованой, в каких-то веселеньких розочках – часто переодевались местные девчонки, прячась за более внушительными плитами и редкими постаментами. Стягивали мокрые купальники, тут же подкрашивались, переобувались, смеялись, шушукаясь и

без конца болтая о своих девичьих делах. И никого это не смущало. Даже родственников покойников, которые приходили, улыбаясь и так же разговаривая о своих делах, стояли у могилы и после этого спускались к пляжу – окунуться. И не было в этом надрыва и жуткой тоски.

Впрочем, на это кладбище часто заходили туристы, которых привозили осматривать Старый город, – галдящие, с бутылками воды, мороженым, рюкзаками. Они ходили между гробницами, как на экскурсии, внимательно читали надписи, комментировали. И в этом никто не видел святотатства или неприличия. Артем тоже мечтал быть похороненным на этом веселом кладбище, рядом с помойкой, спуском на пляж, церковью и школой. Правда, на это он вряд ли мог рассчитывать.

Тут, в Москве, стоя у свежей могилы, он испытывал только раздражение и злость. Он злился на отца за то, что тот потревожил могилу матери, изуродовал ее своим присутствием. Злился на сестру, которая завалила плиту матери жуткими пошлыми венками и приняла такое решение – похоронить их вместе, а не отдельно. Злился на себя за собственные мысли. Злился на Стасика, который наверняка пересчитает все деньги до копейки и скажет, что Артем сэкономил, дал меньше, чем должен был.

Два следующих дня Артем провалялся на диване, пока не позвонил старый приятель – Димка.

– Слушай, ты в Москве?

– Да, прилетел, у меня отец умер.

– Я думал, он давно умер, – удивился Димка.

– По сути, так оно и есть. А ты как?

– Я чего звоню. А в твоём доме кто-нибудь живет? Я просто подумал, если ты в Москве, может, я туда сметаюсь на недельку? Ты не против?

– Без проблем. Там только Ангела.

Димка не в первый раз просился пожить в доме. Как правило, это означало, что у друга новая девушка. Собственно, Димка был не один такой, знакомые и коллеги часто просили у Артема разрешения пожить в его доме – кто на выходные, кто на неделю, и он никогда никому не отказывал.

– Тогда договорились. Спасибо, – обрадовался Димка. – Пока.

– Слушай, – вдруг опомнился Артем, – у тебя мотоцикл на ходу?

– Да, хочешь покататься?

– Дашь?

– Без вопросов. Ключи закину сегодня.

Зачем Артему понадобился Димкин мотоцикл, он и сам не знал. Никогда не разделял страсть друга к мотоциклам, предпочитая закрытую, создающую ощущение интима и личного пространства, машину. Даже в жару он никогда не открывал окно, врубая на полную мощность кондиционер и музыку на диске. Просто вдруг нахлынуло, захотелось ветра, легкости и адреналина.

Мотоцикл выглядел внушительно. Артем сел, поерзал, потрогал ручки, осторожно вывел его из гаража и медленно поехал. Постепенно вошел во вкус и начал получать удовольствие. Димка оставил ему и всю экипировку, в которой Артему, как ни странно, было комфортно. Он ощущал себя по-другому. Иным человеком. Ему нравилось лавировать между машинами, нравился этот новый угол обзора, нравилось ловить взгляды автомобилистов. Ему хотелось оторваться на мотоцикле от земли, поставить его на заднее колесо и взлететь. Хотелось романтики, новых отношений, безумия, ночных поездок...

Мотоцикл давал драйв и чувство вседозволенности, освобождал и провоцировал.

Наверное, на этом драйве он и познакомился с Лесей. На самом деле она была Алесей, через А, и очень обижалась, когда ее имя писали через О. Все это она ему рассказала, когда

они столкнулись на автостоянке около дома, в первые пять минут знакомства. Алеся не могла объехать его мотоцикл, который он припарковал, как машину, – поперек.

– Но ведь правильно Олеся, – решил подзадорить ее Артем. – Помните песню «Олеся, Олеся, так птицы кричат...»

– Не помню, – призналась Алеся, – это старая песня? А хотите, я вам паспорт покажу? У меня и в паспорте написано «Алеся».

– Давайте, чтобы не спорить, а с женщинами я никогда не спорю, буду называть вас Лесей, – предложил, улыбаясь, Артем.

– Меня все так и называют, – отозвалась она.

Артем помог ей выехать со стоянки, глядя в зеркало, как смешно она от волнения мусолит во рту прядь волос. Леся ему понравилась. «То, что мне сейчас нужно», – подумал он. Молодая, симпатичная девушка, без груза проблем и забот. Ее легко было рассмешить – она все время смеялась, звонко и заразительно, над его глупыми анекдотами, которые он выдавал один за другим. Она была легкой на подъем – они поехали вместе пить кофе на заправку. Так же легко она в тот же вечер оказалась в его квартире и легко осталась на ночь. И ночью тоже все было просто и без особых проблем. Утром он повез ее на работу. На мотоцикле.

Артем не видел эту машину. Совершенно точно не видел. И даже ничего не почувствовал. Только то, как летел несколько секунд в воздухе.

Он порвал джинсы и поцарапал руку. Леся лежала без сознания, а когда пришла в себя – застонала. В больнице сказали, что у нее раздроблен таз. Нужна операция. А еще сказали, что это очень опасно для такой молодой девушки, которой еще рожать.

Артем чувствовал себя виноватым, хотя знал со стопроцентной уверенностью, что виновен водитель машины.

Он не собирался продолжать знакомство – Леся была для него случайной девушкой на одну ночь, максимум на неделю. Он не влюбился, не сошел с ума от страсти. Девушка как девушка – ничего особенного.

Теперь он не знал, как поступить, понимая, что случайная связь оказалась не такой уж случайной.

На следующий день он все-таки поехал в больницу к Лесе – просто чтобы проверить, как она, и отделаться от чувства вины, убедиться, что с ней все будет хорошо. Если нужно – дать денег на лекарства, уехать и забыть о ней.

Когда Артем зашел в палату, там уже были две женщины, очень похожие друг на друга и на Лесю – Артем решил, что это мама и сестра. Женщина постарше тут же кинулась к нему на грудь и крепко стиснула – Артем ощутил запах пота, смешанный со слишком сладкими духами. Леся слабо улыбнулась. Молодая женщина, ненамного старше Леси, видимо сестра, с интересом рассматривала его с ног до головы.

– Мама, это Артем, – представила его Леся.

– Здравствуй, дорогой. – Мама опять прижала его к своей груди. – Что же теперь будет?

– Все хорошо, – ответил Артем, – врач сказал, что Леся восстановится.

– Ты-то как? – Мама Леси принялась его осматривать.

– В порядке. Вы поймите, – Артем хотел объяснить, что он не виноват, – это водитель машины, милиция тоже так сказала, еще на месте...

– Да я знаю, дорогой... не мучай себя... – сказала мама.

Он отдал купленные зачем-то цветы и сказал, что очень торопится и зайдет еще. Ночью он почти не спал.

Утром с тяжелой головой он опять поехал в больницу, обещая себе, что поговорит с Лесей один на один, все объяснит и расстанется «по-человечески», чтобы избавиться от гадкого осадка, отложившегося в области желудка и провоцировавшего нервную диарею и рвоту.

– Артем! – обрадовалась, увидев его, Лесина мать. – Лесенька, к тебе Артем приехал.

Сестра нервно поправляла прическу и явно строила ему глазки.

– Ну, иди к ней, – подтолкнула Артема к кровати мать. Толчок был ощутимый, рука у мамы оказалась тяжелая.

Артем сел на кровать и взял Лесину руку. Все заулыбались. Мать украдкой, совершенно по-киношному промокнула уголок глаза.

– Можно мне с Лесей поговорить? – спросил Артем.

– Конечно-конечно, мы уже уходим, – засуетилась мама, выталкивая Лесину сестру из палаты.

Леся смотрела на него и улыбалась. Он не знал, что сказать, наверное, впервые в жизни. Сидел и молчал.

– Поправляйся, – выдавил он, наконец.

– Спасибо, – улыбнулся Леся.

– Ты не волнуйся, все нормально будет, вот дочь у Петровых тоже с тазом и ничего – двоих родила, – зашептала ему на ухо мать, поймав за локоток в коридоре. – А если что, то медицина, как говорится, не стоит на месте. Сейчас столько средств, не то что тридцать лет назад... – тараторила она.

Артем кивал, как китайский болванчик, и не знал, что отвечать и как себя вести.

Только поздно вечером перед телевизором, во время второго периода хоккейного матча до него наконец дошло, что Лесина мать считает его женихом дочери, а про таз – это в том смысле, что Леся сможет рожать, если вдруг он передумает жениться именно по этой причине.

– Что мне делать? – позвонил он Димке, заодно рассказав про аварию.

– Если ты бросишь девушку в таком положении, будешь последней сволочью, – ответил тот.

– И что мне делать? Жениться на ней? Я ее вообще не знаю! Случайная знакомая. Провел с ней одну ночь. Она даже мне не нравится – совсем не в моем вкусе. Так, милая девочка. Может, она с каждым так легко на ночь остается. Авария – чистая случайность! На моем месте мог быть кто угодно! Я не виноват!

– Что ты орешь? – спокойно сказал Димка. – Да, мог оказаться кто угодно, но оказался именно ты. Чего ты так дергаешься? Тебя же за руку никто в загс не тащит и не шантажирует. Она ведь наверняка даже твоего телефона не знает.

– Не знает. Не успел оставить. Да и не собирался, – признался Артем.

– Ну вот. Значит, просто не приедешь в больницу – и все. Пропадешь.

– Сам же говорил, что тогда я буду сволочью.

– Сволочью ты будешь в любом случае. Потому что именно ты сидел за рулем. Если ты сам себя считаешь виноватым, то представь, что думают они.

– Я же в Москве вообще не должен был находиться, ты же знаешь. Если бы не смерть отца, меня бы здесь не было...

– Выходит, судьба...

Вечером Артем напился до чертиков. Ночью, после очередного приступа рвоты, решил, что больше к Лесе не поедет, а утром, забыв принять душ и побриться, купил каких-то почти гнилых яблок и поехал в больницу.

В палате никого не было. Леся спала. Он сел на стул, все еще не понимая, что здесь делает.

– Привет! – Она открыла глаза.

– Привет, я тебя разбудил?

– Нет, все нормально.

– Как ты?

– Как видишь. – Она показала на загипсованную нижнюю часть туловища. – Очень чешется. Спасибо, что приезжаешь. Рада тебя видеть.

– Да не за что, – пожал плечами он.

Леся лежала и улыбалась. Она все время улыбалась, чего он совершенно не мог понять, и поэтому не знал, как себя вести. Если бы она была серьезной или грустной, он бы ее рассмешил, утешил...

– Ты не обязан ко мне приезжать. Не волнуйся, ты не виноват. Я все понимаю. Случайность, – сказала она.

– Да, но за рулем сидел я.

– И маму мою не слушай. Она... мама.... сам понимаешь. Я даже не знаю, почему она решила, что мы с тобой встречаемся. Я ей сказала, что ты – просто знакомый. Но она себе уже все напридумывала.

– Послушай, – вдруг неожиданно для самого себя сказал Артем, – у меня есть дом на берегу моря. Давай я туда тебя отвезу? Врачи говорили, что тебе нужно восстанавливаться, реабилитационный период, ноги разрабатывать. А что может быть лучше моря и солнца? Ты пойдешь на поправку, а меня перестанет мучить чувство вины. Ну как тебе идея? Договорились? Просто будешь жить столько, сколько захочешь. Без всяких отношений и обязательств. Договорились? Пожалуйста, соглашайся, иначе я с ума сойду.

– Не знаю...

– Тогда договорились. Тебя когда выписывают?

– Понятия не имею.

– Ладно, я поговорю с твоим лечащим врачом, куплю билеты и сам отвезу тебя.

– Только я ходить не могу. Ничего не могу сама...

– У меня там есть домработница. Не волнуйся, тебе не придется ничего делать. Будешь отдыхать.

Леся опять улыбнулась.

* * *

Артем прилетел рано утром – подготовить дом, предупредить Анжелу, все устроить к приезду Леси. Входная дверь была закрыта, но на втором этаже все балконные двери, как всегда, настежь. Чтобы не разбудить Анжелу, он тихо пробрался через самую дальнюю комнату, условно называемую телевизионной. Условно, потому что телевизор не работал уже года три – Анжеле было недосуг поставить стабилизатор, а без него вся бытовая техника летела в течение полугода. Он лег спать внизу на диване, не раздеваясь, укрывшись от комаров с головой пледом. Успел подумать, что Анжела опять не поменяла антикомариные пластины.

Сквозь сон он слышал голоса – незнакомые. Разговаривали две женщины. Судя по интонациям и тембру, пожилые. Точно не Анжела. Артем решил, что это соседи, и попытался поспать еще. Голоса становились то громче, то стихали до шепота.

– Я говорила, что надо закрывать. «Кому надо? Все свои!» Вот, пожалуйста.

– Может, знакомый?

– Какой знакомый? Бомж.

– Откуда тут бомжи?

– От верблюда. Бомжи везде есть. Цыгане есть. Значит, и бомжи есть.

– И как он сюда вошел?

– Через как. Второй этаж. Тебе душно, видите ли. Давай буди его, будем гнать.

– Может, я блинчиков сначала напеку? А пока в милицию позвоним...

– В какую милицию? Какая здесь милиция? Какие блинчики? У нее бомж на диване, а она блинчики...

– Ну полиция, или как она у них называется. Или давай водителю позвоним, который нас на базар возит... Он мужчина крепкий, вежливый.

– Я щас швабру возьму, и никому звонить не надо. У меня рука тяжелая. Огрею по голове и все – можно выносить.

– Зачем же по голове? А вдруг он умрет?

– Не умрет. Сознание потерять может. Мы его и вытащим.

– Я не потащу. Я боюсь. А вдруг он тяжелый? Или толстый?

– Где ты видела толстых бомжей? Вытащим. Ты за ноги, я за руки. Поднимем. Нам не рожать. Не надорвемся.

– Нет, я не буду. А вдруг он не потеряет сознание, а, наоборот, разозлится?

– Тогда я его еще раз огрею. Посильнее.

– А вдруг он больной? Живой человек же. Давай, может, по-хорошему? Накормим, еды с собой дадим и проводим.

– А мы с тобой не больные? Много с нами по-хорошему в жизни поступали? Давай тут приют откроем и ночлежку! Еще и помоем и на чистое положим.

– Ну не передергивай. Может, он нормальный человек, просто несчастный, всякое в жизни бывает.

– Это да. Вот кто ж знал, что я с тобой буду тут сидеть? Ни за что бы не согласилась, а сижу.

– Да ну тебя. Делай, что хочешь. Я пойду тесто на блины поставлю.

Голоса стихли. Артем почувствовал, что кто-то дергает его за ногу и стаскивает плед.

– М-м-м, – сказал он, приподнимаясь на локте, и тут же получил шваброй по лбу.

– Эй! – заорал он. Даже не выругался против обыкновения. – Совсем сдурели?

– Ну-ка поднимайся и топай отсюда.

Артем увидел нависшую над ним большую статную женщину с огромными, как у мужика, руками.

– Швабру уберите, – сказал как можно спокойнее он.

– Ты это, не бутузь. По-хорошему говорю – руки в ноги и вали отсюда.

– Я хозяин.

– Ага. Конечно... – хмыкнула женщина.

– Я хозяин этого дома. А вот вы кто и что тут делаете, совершенно непонятно.

– Мы-то тут живем, а вот ты как сюда пролез – это милиция разберется. Или убираешься по-хорошему, или я звоню в милицию. Понял?

Женщина продолжала нависать над ним, обороняясь шваброй. Артем непроизвольно застонал – лоб от удара саднило, и было не по себе от всей ситуации.

– Может, вы есть хотите? Сейчас блинчики будут, вы любите блинчики? – подала голос вторая женщина.

– Люблю, – ответил Артем.

– Ага, щас. И блины, и пироги, все тебе будет. Вали отсюда подобру-поздорову!

Женщина со шваброй огрела его еще раз, да так неожиданно, что Артем не успел поставить руку.

– Так, все! Прекратите драться! – заорал Артем и выхватил у женщины швабру. Она и вправду оказалась крепкой, и ему пришлось приложить усилия. Не будь женщины в солидном возрасте, он бы не церемонился. – Послушайте меня, – закричал он. – Я хозяин дома. Я здесь живу. Почему вы здесь находитесь, совершенно непонятно. Кто вас сюда пустил?

– Так, хватит горланить, не глухие. Мы тут на законных основания. Нам хозяйка дом сдала. Деньги уплочены, так что ничего не знаем. С ней и разбирайся.

– Может, недоразумение какое... – опять подала голос женщина с блинами.

– Ты за сковородкой своей смотри, – рявкнула на нее женщина со шваброй. – Горит вон. Сама – недоразумение сплошное.

– Какая хозяйка? – перебил Артем эту перебранку.

– Как какая? Анжела. Ее тут все знают. Местная она.

– Понятно... А сама Анжела где?

– Так уехала. Через неделю будет. Мы тут до восемнадцатого. И раньше не съедем, или возвращай деньги.

– Ясно. А куда уехала, не сказала?

– Так в Москву ж, наверное.

– Может, вы съедите блин?

– Да надоела ты со своими блинами горелыми, – опять прикрикнула женщина со шваброй.

– Они не подгорели, а немножко поджарились, – обиделась женщина с блинами.

– Ты очки-то надень! Черные вон.

– И вправду. Что же делать?

– Выброси в мусорку.

– Жалко. Может, кошки съедят?

– Твою стряпню даже кошки жрать не будут. Как же ты, безрукая, до таких лет дожила, удивляюсь.

– Женщины, дорогие, – опять вмешался Артем, – подождите. Вам сдала дом Анжела и взяла с вас за проживание деньги. Я правильно все понял?

– Да, все так. И мы отсюда ни ногой. А документы у тебя есть? А то ишь, какой языкастый!

– Вот паспорт. – Артем протянул загранпаспорт, который лежал в кармане рубашки.

– Здесь не написано, что ты хозяин, – хитро улыбнулась женщина со шваброй, – так и я могу паспортами в нос совать. Ты покажи, где ты хозяин. Артем?

– Да, Артем.

– Так ты что ж, Анжелин племянш? – ахнула женщина со шваброй.

– Какой племянш? Она моя домработница.

– Ну ты насмешил. Анжела – домработница! – Женщина со шваброй захохотала. – Вот про племянша она рассказывала. Точно, Артем. Непутевый, раздолбай.

– Ну да. Видимо, это про меня.

– И что же теперь делать? – тихо спросила женщина с блинами. – Вы нас прогоните?

– Нет, конечно. С Анжелой я потом разберусь. Живите столько, сколько нужно. Я на три дня приехал.

– Так это же замечательно! – воскликнула женщина с блинами. – Вы что любите есть? Я буду вам готовить. Очень люблю готовить, а есть некому. Много ли старухе надо – кефир и кусок хлеба. Так вы что любите?

– Я всеяден.

– Я пышечек могу напечь и вареничков налепить... – обрадовалась женщина.

Артем очень быстро привык к грохоту кастрюль и бесконечной перебранке пожилых дам. Только удивлялся, как эти две совершенно разные женщины могут существовать вместе. Он купил дамам, как он их называл, ликер и вечером предложил выпить.

– Не буду эту сладкую бурду пить, – заявила Елена Ивановна, которая огрела Артема шваброй, – мне бы водочки.

– А я выпью, – сказала Наталья Владимировна.

– Тебе лишь бы выпендриться, – беззлобно буркнула Елена Ивановна.

Впрочем, она тоже пододвинула рюмку, и за вечер они на троих уговорили бутылку.

Елена Ивановна раскраснелась и начала рассказывать о своей бурной молодости. Наталья Владимировна смущалась, закатывала глаза и просила «избавить ее от интимных подробностей». Артем не слушал. Думал о том, что вот эти две женщины – совершенно одинокие – обрекли себя друг на друга.

– Вы и в Москве вместе живете? – спросил он у Елены Ивановны, когда Наталья Владимировна ушла на кухню.

– Да, я с ней, – Елена Ивановна кивнула головой в сторону кухни, – уже десять лет мучаюсь.

Артем молчал и ждал продолжения.

– Сын ее нанял меня сиделкой. Как он говорил, «компаньонкой». – Елена Ивановна выплюнула это слово. – На самом деле не хотел, чтобы мамаша ему мешала. Избавиться от нее решил, чтобы она копыта отбросила, а ему квартирка досталась. Ты не смотри на меня так, я знаю, что говорю – санитаркой в больнице сколько лет отработала. Он с доктором договорился, тот ей таблетки напрописывал. А ей только хуже становилось, она ж даже не ходила совсем. Так я быстро таблетки повы-брасывала. Не могу грех на душу брать. Я ей глаза раскрыла, все про сынулю рассказала, и про доктора его купленного, и про таблетки. Только она мне не поверила. До сих пор не верит. Сын-то ее умер. Я считаю, по заслугам ему. Земля таких не должна носить. А я вот с ней осталась. Куда я ее брошу? Она ж идиотка, жизни не знает, людям верит, всех хорошими считает. Миротворка хренова. Так и живем... Вроде не подруги, не родственницы, не прислуга с хозяйкой, а у меня никого, кроме нее, нет, и у нее никого, кроме меня. Вот так бывает... Устала я. Иногда думаю, что пора мне уже туда. Хватит, пожила. Но эту не могу оставить. На кого? Вот и продолжаю топтаться.

Артем думал о старости... С кем он останется? И каким он будет – брюзжащим стариком или вечным мальчишкой с седой щетиной?

Елена Ивановна храпела по ночам, а Наталья Владимировна мучилась бессонницей и вела девичий дневник. Она вставала в шесть утра и готовила завтрак. В семь поднималась Елена Ивановна, и на кухне начинался скандал. Дамы пытались говорить шепотом, но срывались на крик. Елена Ивановна выбрасывала в мусорное ведро гренки и пышки, над которыми Наталья Владимировна колдовала в течение часа, и за две минуты делала новые – жирные, сладкие, сытные. Как она говорила, «съедобные».

– Нет, не позволю, – услышал однажды Артем крик Натальи Владимировны.

– Хорошо, пусть сам скажет, – ответила Елена Ивановна.

На завтрак дамы поставили перед Артемом две тарелки. Наталья Владимировна села напротив и сложила руки на груди. Чуть не плакала. Елена Ивановна ушла гроыхать посудой на кухню, но все время оборачивалась и следила.

Артем съел все.

– Спасибо, очень вкусно, – сказал он.

– Это он из вежливости, – заявила Елена Ивановна.

– Нет, ему понравилось, правда, Артем, вам же понравилось? – залепетала воодушевленная Наталья Владимировна.

– Мне все понравилось. И ваше, и ваше. Из ваших прекрасных рук я готов съесть даже яд, – заявил Артем.

Наталья Владимировна засмеялась, прикрывая рот ладошкой. Елена Ивановна хмыкнула.

Артему впервые было жалко, что он приехал только на три дня.

– Вы приезжайте, если захотите, бесплатно на следующий год, – предложил он дамам перед отъездом. Наталья Владимировна утирала глаза носовым платком. Елена Ивановна паковала ему бутерброды в дорогу.

– На фига тебе старухи сдались? – буркнула Елена Ивановна.

– Артем, дорогой, в нашем возрасте уже так надолго не загадывают, – всхлипнула Наталья Владимировна.

– Ой, перестаньте, я вас еще замуж выдам, – сказал Артем.

– Дай я тебя поцелую. – Елена Ивановна грубо чмокнула его в щеку.

Наталья Владимировна кинулась на шею и повисла плетью, содрогаясь и всхлиывая.

– Успокойся, истеричка, не на войну провожаем, – одернула ее Елена Ивановна.

– Даст бог, свидимся, – всхлинула Наталья Владимировна.

– Ага, твой бог, он даст, как же, догонит и добавит, – сказала Елена Ивановна.

– Не богохульствуй, нельзя так, – закричала Наталья Владимировна.

– А ты мне рот не затыкай...

Артем тихо спустился по ступенькам.

Анжела позвонила на следующий день и заголосила в трубку.

– Ты прикинь, я их пожалела, на три дня пустила, старухи все-таки, у меня сердце дрогнуло, а они вон как... Ты только скажи, я их сразу выгоню. Сегодня же!

– Если ты их выгонишь, я тебя выгоню, что должен был сделать уже давно, – тихо и спокойно проговорил Артем.

– А я что, для себя, что ли, стараюсь? Мне много надо? Для тебя ж все, для дома. Вон, на их деньги полотенца новые купила и покрывала в гостевые комнаты. Тебе наплевать, а мне ж больше всех надо.

– Анжела, все, хватит, – оборвал ее Артем. – Если ты еще раз сдашь кому-нибудь дом без моего согласия, уволю.

– Напугал больно, я и сама уйду!

– Я скоро приеду. Не один. С девушкой. Она больна. Чтобы дом сверкал, – сказал Артем и положил трубку.

Он развил бурную деятельность – разговаривал с врачом, физиотерапевтом, составлял списки лекарств, зарисовывал в блокнот комплекс упражнений, бронировал билеты, без конца созванивался с Лесиной мамой, которая на него буквально молилась.

Лесю вывезли из больницы в инвалидном кресле. Он поднял ее на руки, чтобы пересадить в машину, и случайно ударил головой. У него тряслись от волнения руки – как будто он нес не девушку, а маленького ребенка. Худенькая, почти невесомая, Леся казалась ему тяжелой.

– Прости, – сказал он.

– Ничего, – улыбнулась она.

Все это время он сам себя не узнавал. Что-то врал на работе, мотался по городу из одной аптеки в другую, из больницы домой и сразу мчался обратно, думал только о Лесе, больше ни о ком и ни о чем.

– Тебе удобно? Как ты себя чувствуешь? – без конца спрашивал он ее в аэропорту и самолете.

– Мне очень хорошо, – отвечала она. – Даже не верится, что сейчас на море окажусь. С тобой.

– Мне самому не верится.

Уже там, на месте, в машине по дороге к дому он настраивался. Впервые так дергался – будет ли Лесе хорошо в его доме, понравится ли ей, убрала ли Анжела дом? Что будет дальше?

Он поднял по ступенькам сначала Лесю – нес ее на руках, обливаясь потом от волнения. Посадил на стул на террасе и пошел за чемоданами и инвалидным креслом. Когда поднялся снова, умирая от желания попить воды, Леси на террасе не было. Артем даже испугался. Куда она могла деться, если даже шагу ступить самостоятельно не может? На секунду он решил, что сошел с ума, что все это ему приснилось.

Он с опаской зашел в дом. На диване лежала Леся, а Анжела заботливо подкладывала ей под спину подушки.

– Ой, мне в туалет надо, – пискнула Леся, – простите.

– Сейчас детка, сейчас, – засуетилась Анжела и ловко, умело, практически одной рукой подхватила Лесю под мышки и понесла в ванную. Как пушинку. Леся приникла к ее большой груди и улыбалась.

– Ни фиги себе, – прошептал Артем.

Такого он точно не ожидал – что Анжела примет Лесю как родную и будет носиться с ней, как с маленьким ребенком: готовить, кормить с ложечки, растирать, мазать, делать упражнения, мыть.

Как-то Артем хотел перенести Лесю из дома на террасу и стоял, примеряясь, как лучше взять.

– Отойди, я сама. – Анжела отодвинула его локтем и вмиг подхватила Лесю.

Они и в быту удивительным образом ладили друг с другом. Лесю, казалось, совершенно не раздражала бесконечная болтовня Анжелы. Она кивала, смеялась и задавала вопросы, требуя уточнений и подробностей. Анжела была в восторге от того, что ее слушают, и рассказывала одну историю за другой. Но что удивительно – домработница ни разу не свернула разговор на свои излюбленные темы. Она ни словом не обмолвилась о женщинах, которые перебивали в этом доме, о том, что Артем – законченный эгоист, сдвинутый на тарелочках и вазочках.

Даже в доме она поставила все по местам, так, как задумал Артем. И с ним домработница была вежлива и держала дистанцию, чего он уж совсем не ожидал.

Анжела всю себя посвятила Лесе. Она варила ей кашку, мыла с хлоркой пол в ее комнате и делала ей массаж и положенные упражнения. Артем чувствовал себя в доме лишним.

– Тебя Анжела не очень донимает? – спросил он как-то Лесю.

– Нет, наоборот, – улыбнулась она. – Прямо курица-наседка. Мне даже неловко.

– Она бывает навязчивой. Ты поменьше с ней разговаривай, она отстанет.

– Да нет, мне интересно. Она просто несчастная женщина. Одинокая очень.

– Да ладно. Какая она несчастная?

Леся не ответила.

– Мне нужно уехать, – сказал Артем, – ничего?

– Все в порядке. Конечно.

Артем уехал на следующий день, две недели работал, стараясь наверстать упущенное, мотался на встречи и переговоры, у него даже язык начал заплетаться от усталости. Поздним вечером, доползая до кровати, он собирался позвонить Лесе и Анжеле, но сил разговаривать не было. Утром на разговор не хватало времени, днем он забывал, что собирался звонить, замотавшись. Он позвонил в пятницу утром и звонил целый день. Трубку никто не брал. Ни вечером, ни ночью. В субботу рано утром он уже сидел в самолете – сердце было беспокойно.

Когда он бросил на террасу чемодан и влетел в дом, то у плиты увидел не привычную широкую спину Анжелы, а торчащие лопатки хрупкой незнакомой девушки. Красивой. Во всяком случае, так ему показалось со спины. Худенькой, с короткой стрижкой, загорелой. Артем невольно отметил, что у девушки стройные ноги и тонкая талия.

– Здрасьте, – сказал он.

– Ой, привет, – повернулась к нему девушка.

Это была Леся. Совершенно другая. Незнакомая. Удивительная.

– Это ты? – Артем рассматривал ее с ног до головы.

– Да, это я, вот, уже стою, хожу и даже плаваю, – засмеялась Леся.

– Как ты себя чувствуешь? – по привычке спросил Артем, хотя по Лесиному цветущему виду и так было понятно, как она себя чувствует.

– Отлично. Просто замечательно.

Леся просто светила изнутри.

– Я подстриглась. Анжела меня подстригла, – объяснила она.

– Тебе идет. Я даже не узнал тебя. А где Анжела?

– В саду. Мне розмарин нужен.

– Ты готовишь? – опять удивился Артем. Леся производила впечатление девушки, которая плитку видела только издали.

– Да. Спагетти с соусом. Будешь?

– Буду, конечно.

Обедали они вдвоем. Анжела сказала, что поест потом, и ушла в свою комнату.

Артем смотрел на эту незнакомую девушку, сидящую напротив, и она ему нравилась. Нравился ее смех, то, как она держит вилку, как макает хлеб в оливковое масло, как подкладывает ему со сковородки спагетти.

Они говорили о ерунде – кто приехал, кто уехал, с кем Леся успела познакомиться, какая вода, когда будет дождь. Оказалось, что Леся перезнакомилась практически со всеми соседями, и ей все понравилось. Ей вообще все нравилось. Артема, по внутреннему устройству законченного ипохондрика, это поражало больше всего.

– Ты плохо выглядишь, – сказала Леся. – Устал?

– Да, на работе замотался.

– Мы тебя не ждали. Я так рада, что ты приехал, – искренне сказала Леся.

– Я звонил, вы трубку не брали, поэтому и прилетел. Думал, у вас что-то случилось.

– Ой, телефон отключили, надо ехать в город. Анжела собиралась в понедельник, – начала оправдываться Леся. – А к мобильному я давно не подхожу. Да мне никто и не звонит.

Вечером они пошли в гости, и Леся в его белой льняной рубашке и обычных шортах притягивала взгляд. Она щебетала с дамами, была мила с мужчинами.

Сосед-художник, поймав взгляд Артема, показал ему большой палец, одобряя выбор. Дамы, вопреки обыкновению, не язвили и не упражнялись в остроловии, а были с Лесей предупредительны и просты.

А после гостей, дома, они как-то совершенно естественно оказались в одной постели. Артем сам пришел к ней в комнату, нарушив им же самим установленные правила проживания. Леся, увидев его, улыбнулась. Все воскресенье они провели, не выходя из комнаты, а вечером он улетел.

Он звонил ей раз в два дня. Леся щебетала в трубку, что все хорошо. Когда он позвонил в очередной раз, она, так же весело, между рассказами о поспевшем инжире, который падает на голову, о перебоях с водой и о почему-то сломавшемся бойлере сказала, что беременна. Он даже не удивился. Как будто ждал, что эта история, которую он сам затеял с перевозом Леси в дом, должна именно так и закончиться. Или, наоборот, продолжиться.

* * *

Он женился на Лесе, когда она была на третьем месяце беременности – совершенно цветущая и невероятно красивая в отличие от него, замотанного, осунувшегося, с опухшими от недосыпа глазами.

Официально они решили расписаться в Москве и тихо повенчались в местной церкви. Артему было удивительно спокойно стоять там, перед яркими, недавно написанными иконами, перед священником, которого регулярно видел на пляже в трусах и с которым перебрасывался несколькими словами. Леся была очень красивой в той самой его белой льняной рубашке и белой юбке. По дороге она сорвала цветок и воткнула его в волосы. У Артема не было страха перед венчанием, не видел он в этом и особого значения, таинства. Почему-то печать в паспорте его пугала и призывала к ответственности значительно больше, чем Бог, в которого он, откровенно говоря, не верил. Он давно решил, что если уж жениться, то именно так – здесь, под домашнему, без атрибутов и машин. Подняться по горке и свернуть в церковь, как бы между прочим, и потом идти дальше своей дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.